В поисках локомотива

Чтобы выйти из стагнации, надо менять экономическую политику

Абел Аганбегян,
академик Российской академии наук

У нынешнего экономического кризиса в России есть как минимум три причины: сокращение инвестиций, зависимость от мировых цен на энергоносители и пренебрежение со стороны властей человеческим капиталом.

Что сегодня происходит с экономикой России? Полагаю, этот вопрос волнует многих. Давайте задумаемся над некоторыми фактами.

После кризиса 2008–2009 годов экономика России развивалась в полтора раза быстрее, чем весь экономический мир, и в три раза быстрее, чем развитые страны. Мы за 2010–2011 годы вышли на основные экономические и социальные показатели докризисного периода, кроме фондового рынка. Объем инвестиций мы восстановили несколько позже – в 2012 году. Инфляция тогда составила 5,1%, ключевая ставка – 5,5%: никогда прежде кредиты в России не выдавались по столь низким ставкам. Курс доллара держался стабильно на уровне 30–33 рубля, никаких серьезных колебаний не наблюдалось. Цена на нефть была очень высокой – 105–110 долларов за баррель, и не было никаких внешних условий, чтобы в семь раз сократить экономический рост. Мир все это время только благоприятствовал нам. Мы вышли из кризиса с долгом в 467 млрд долларов, нам был открыт мировой рынок – по очень низкой ставке мы в 2012 году заняли почти 100 млрд долларов, а в 2013-м – еще 100 млрд долларов.

Никаких санкций, Украины, присоединения Крыма в 2012–2013 годах не было. Тем не менее, именно в это время рост остановился. Как будто бы какая-то сила начала тянуть экономику вниз: в 2012 году в семь раз сократился квартальный рост ВВП – с 4,7% до 0,7%.

Никаких санкций, Украины, присоединения Крыма в 2012–2013 годах не было. Тем не менее, именно в это время рост остановился. Как будто бы какая-то сила начала тянуть экономику вниз: в 2012 году в семь раз сократился квартальный рост ВВП – с 4,7% до 0,7%. Затем в 2013 году приподнялся, но снова обрушился в первом квартале 2014 года до 0,6%.

Все санкции начали действовать только со второй половины 2014 года. И цена на нефть стала снижаться в 2014 году. Так что рост российской экономики остановился в самое благополучное время при внешних благоприятных условиях. Что же произошло? Перечислю несколько причин.

Без инвестиций нет роста

Дело в том, что экономический рост примерно на 80% зависит от инвестиций. А у нас инвестиции в кризис упали на рекордные 16%.

До кризиса, в 2006–2007 годах, мы наблюдали приток капитала – сальдо составляло в 2006 году 43 млрд долларов, в 2007 году – 82 млрд долларов. А дальше пошли минусы. В 2008 году – минус 133 млрд, в 2012-м – минус 80 млрд. Рекордный в новой истории России отток капитала в 150 млрд долларов был зафиксирован в 2014-м.

А между тем, инвестиции двигают экономику вперед дважды. Если мы сегодня начнем осуществлять крупные вложения, сразу же начнут работать проектно-исследовательские институ-

ты, начнется строительство... Еще ничего не производится, но экономическая жизнь уже активизируется. А года через четыре (этот срок – средний в России) производственные мощности будут введены и начнут производить продукцию, что тоже отражается в росте ВВП.

В 2013 году прирост основных фондов был очень низким. Мы не получили тогда дополнительной продукции, потому что за четыре года до того, в 2009-м, не были вложены деньги в новые мощности. Таким образом, основы для стагнации 2013 года были заложены в 2009 году. К тому же в 2013 году мы сократили бюджетные инвестиции. Центральный банк зачем-то урезал инвестиционный кредит. Госкорпорации, такие как «Газпром» и «Роснефть», также снизили инвестиции на довольно значительную сумму. Росли только частные инвестиции. В результате в целом после инвестиционного роста на 7 процентов в 2010–2011 годах мы имели отрицательный инвестиционный показатель – минус 0,3 процента.

А если нет инвестиций, значит, нет и обновления. За семь лет с момента кризиса 2008 года в РФ выбыло 5% фондов, а 95% стало на семь лет старше. Что значит «старше на семь лет»? Это значит, что требуется больше денег на обслуживание, ремонт, что увеличиваются простои, что хуже становится качество продукции. Эти факторы также тянут экономику вниз. У нас средний срок службы машин и оборудования составляет 14 лет, это в два раза дольше, чем в развитых основных странах. 22% оборудования в России работает свыше срока износа. Грубо говоря, их давно пора выкинуть, а они работают, и заменить их нечем, если не проводится политика технического обновления. А эта политика не может проводиться, если нет роста инвестиций.

Итак, сокращение инвестиций – первая причина нынешнего кризиса.

Низкие цены на нефть – это надолго

Вторая причина – снижение цен на энергоносители.

Экономический рост начала 2000-х годов был связан с восьмикратным увеличением цены за баррель нефти – с 12 долларов за баррель в 1998 году до 95 долларов в 2008 году. Затем имело место снижение цены, после которой рост опять возобновился. Соответственно экспорт рос до 2011 года, в 2012 году этот показатель составил минус 2%, а в 2013-м продолжил сокращение. В конце ноября 2015 года цена составляла около 45 долларов за баррель.

Я согласен с исследователями, которые полагают, что период низких цен на мировом рынке – это надолго. Следовательно, нет никакого смысла ждать, что кризис рассосется сам собой, потому что цена на нефть пойдет вверх. Однако, по моему представлению, в правительстве это пока не поняли.

Между тем, снижение цен на нефть со второй половины 2014 года стало главным фактором, который привел к проблемам. Он намного более значимый, чем санкции с их последствиями.

В условиях падения нефтяного рынка произошла девальвация рубля. Она уже привела к двойному росту цен на импортные товары, притом что импорт охватывает 40% потребительских товаров, 70% производственных, инвестиционных товаров машиностроительного сектора.

Утроилась инфляция в годовом выражении. Из-за инфляции увеличилась ключевая ставка. Она снижалась в течение 2015 года, но реально кредит сейчас выдается под 15–18%. Банки придерживают деньги, потому что боятся их потерять. Банки понимают, что юридические и физические лица берут деньги в основном для того, чтобы перекредитоваться и вернуть ранее взятые кредиты. Высокая ставка приводит к недофинансированию экономики.

Предприятия должны сейчас 30 трлн рублей при годовой прибыли 10 трлн – это очень хорошая годовая прибыль, она объясняется большим ростом цен. Однако, с другой стороны, налицо огромные долги. Впереди – целые серии банкротств, и ситуация очень сложная.

Долги населения – 11 трлн рублей при годовом доходе 30 трлн. У должников долг составляет 2/3 годового дохода. Поэтому долги вовремя не отдаются, просроченных долгов гораздо больше, чем это показано в официальной статистике. Вряд ли все долги вернут.

Впервые в нашей истории банки в 2015 году много месяцев были убыточными. Эта убыточность проявляется, несмотря на сокрытие информации и подтасовку отчетности.

Сырьевые отрасли не могут быть локомотивами экономики

Последняя причина – уродливость структуры нашей экономики. В ней преобладает топливно-энергетическая отрасль, производство полуфабрикатов и материалов. В нашем экспорте они составляют 85%, в том числе доля топлива – под 70%. Эти отрасли не растут в мировой экономике. Откуда же взяться росту российской экономики в целом?

Темп роста зависит от локомотивов в экономике. Главный локомотив – экономика знаний, инвестиции в человека: наука, образование, информационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Доля экономики знаний в создании валового продукта России – 15%. В свое время в СССР она составляла 20–25%, как в западных странах в тот период, но на Западе эта часть экономики росла в полтора-два раза быстрее ВВП.

Сейчас доля экономики знаний в Западной Европе – 35%, в США – 40%, она растет быстрее валового продукта и тянет другие отрасли за собой.

На 2/3 наш экономический рост, в конечном счете, зависит от того, что называется «человеческий капитал» в расширенном смысле слова – с учетом состояния перечисленных выше отраслей. По оценке Мирового банка, человеческий капитал в России составляет порядка 200 тыс. долларов на душу, или 30 трлн долларов на страну. При этом с учетом наших особенностей (большая территория, много природных богатств) в России весьма низкая доля человеческого капитала в национальном богатстве – 50%, тогда как в США – 78%, в развитых странах, включая Европу – 79%, а во всем мире – 68%. Мы человеческий капитал недооцениваем, мы в него не вкладываем средства, а в последнее время просто сокращаем расходы на здравоохранение, образование. У нас экономика знаний не растет быстрее валового продукта, у нас нет локомотива. У нас очень маленький удельный вес высокотехнологических отраслей, которые тоже должны развиваться быстрее всей экономики. У нас нечем толкать эко-

За семь лет с момента кризиса 2008 года в РФ выбыло 5% фондов, а 95% стало на семь лет старше. У нас средний срок службы машин и оборудования составляет 14 лет, это в два раза дольше, чем в развитых основных странах. 22% оборудования в России работает свыше срока износа. Это значит, что требуется больше денег на обслуживание, ремонт, что увеличиваются простои, что хуже становится качество продукции.

номику вперед. Таким образом, структура экономики тоже тянет нас назад.

Результат: в 2013 году началась стагнация, с 2015 года мы находимся в рецессии. В 2015 году ВВП сократился почти на 4%, инвестиции – не менее чем на 6%, промышленность – на 4%, строительство – на 10%. Самое плохое, что нынешняя рецессия ухудшает уровень жизни людей. Этого не было в кризис 2008–2009 годов, а сейчас эти негативные тенденции стали видны. В 2015 году конечное потребление домашних хозяйств снизилось на 9%, розничный товарооборот снижается на 10%, реальные зарплаты снижаются на 10%. Стала снижаться рождаемость и расти смертность. Мы преодолели процесс депопуляции в 2012–2014 годах, теперь же она возобновилась. Единственный хороший показатель – небольшой прирост безработицы.

Экономическая политика неадекватна ситуации

Как в этих условиях выглядит наша экономическая политика? Если деликатно выразиться, она неадекватна этим условиям. Мы ничего не сделали, чтобы предотвратить стагнацию. Мы не поставили своей задачей увеличить инвестиции в 2013 году. Мы допустили их снижение в 2013 и 2014 годах. Никакого противодействия снижению инвестиций не было.

Мы не пошли по пути стимулирования экономического роста, несмотря на то, что этому вопросу Владимир Путин полностью посвятил свою речь на Петербургском международном экономическом форуме в 2014 году.

Незадолго до этого, когда В. Путин вторично вступил в должность президента, он издал серию известных указов от 7 мая 2012 года. Среди них самым важным, с моей точки зрения, был указ «О долгосрочной экономической политике». В нем ставилась задача к 2015 году увеличить долю инвестиций в основной капитал в ВВП с 21 до 25%. В реальности этот показатель в 2015 году оказался ниже на 10%, чем в 2012 году.

Если предположить, что инвестиции увеличивались бы, как это планировалось, стагнации не было бы – это проверено на работающей модели в Институте прогнозирования Российской академии наук.

Итак, что делать в сложившихся обстоятельствах? Ответ очевиден: если мы хотим выйти из стагнации и рецессии, надо изменить экономическую политику. От политики снижения инвестиций надо перейти к политике форсированных инвестиций. Чтобы

Производство молока в России не растет, надой крайне низок – 3,7 тыс. кг в год в среднем на корову. А в Ленинградской области, где 100 тыс. коров, средний надой составляет 7,1 тыс. кг. Вопрос: почему опыт Ленинградской области не востребован в других областях?

перейти к политике форсированных инвестиций, необходимо снизить инфляцию и ключевую ставку. Это нельзя поручать Центральному банку, который не способен это сделать по определению.

Если мы хотим перейти к форсированным инвестициям, нужно предпринять серьезные меры. Например, составить трехлетнюю президентскую программу по сокращению инфляции и ключевой ставки. Сделать это одним из центральных пунктов всей экономической политики и нацелить на это все госкорпорации, концерны, правительство, бюджет и Центральный банк. Невозможно просто инвестировать по 8–10% в экономику без кредитных средств. Надо ввести стимулы экономического роста. Институциональные реформы должны быть нацелены на экономический рост.

Опыт Китая, Японии, Южной Кореи, Сингапура и Малайзии, стран послевоенной Европы свидетельствует, что мы не первые оказались в сложной ситуации (очень маленькая монетаризация, высокая процентная ставка, большие государственные расходы и т.д.). В мире есть опыт решения подобных проблем, и мы можем воспользоваться этим опытом. Если мы не предпримем энергичные меры, в 2016 году рецессия продолжится, хотя будет не такая глубокая – не минус 4%, а минус 1–2%. И даже гипотетическое возвращение высоких цен на нефть нас не спасет, потому что мы были ввергнуты в кризис при цене 105–110 долларов за баррель. Стагнация может продлиться вплоть до 2020 года.

Основания для оптимизма

В завершение хочу отметить, что внушает мне оптимизм. Мы – страна огромных возможностей. Приведу примеры.

Россия потребляет 30 млн тонн молока, кроме того, 9 млн тонн ввозит. Производство молока в России не растет, надой крайне низок – 3,7 тыс. кг в год в среднем на корову. В то же время этот показатель в самой отсталой европейской стране составляет от 6 тыс. кг. А в Ленинградской области, где 100 тыс. коров, средний надой составляет 7,1 тыс. кг. Есть хозяйства с показателем выше 8 тыс. кг. Одна корова дала 16 тонн. Вопрос: почему опыт Ленинградской области не востребован в других областях?

Россия ввозит 3 млн тонн мяса. Одна из самых маленьких наших областей – Белгородская, которая занимает 67-е место среди 83 субъектов Федерации по территории, производит больше 1 млн тонн мяса. Это невозможно себе представить. На втором месте – гигантский Краснодарский край, который производит 450 тыс., то есть отстает более чем в два раза. Ставрополь отстает в три раза, а Московская область – в шесть раз и так далее. Почему опыт Белгородской области не востребован в других областях?

Пример из другой сферы. Проблема детской смертности. Этот показатель у нас почти в два раза выше, чем в Европе. При этом в Санкт-Петербурге уровень детской смертности, как в Европе, а в Москве почему-то в полтора раза выше, в Московской области – в два раза, в Нижнем Новгороде – в три, а в Благовещенске – в четыре раза выше. Иными словами, в Благовещенске этот показатель – как в странах Африки. Но мы же – одна страна! Как такое может быть?

Эти разрывы обескураживают, но в то же время они показывают, что мы можем работать, если захотим, и это внушает мне оптимизм.